

Университетский человек

Продолжение. Начало см. в № 2

Очередные трудности

Формально все складывалось, вроде бы, неплохо. В 1909 г. на XII съезде русских естествоиспытателей и врачей М.С. Цвет делает доклад «Новый физический метод анализа пигментных смесей и применение его к исследованиям хлорофилла», который сопровождался демонстрацией опыта хроматографического анализа, в том же году — доклад в Ботаническом кабинете Московского университета, в декабре 1911 г. — доклад в Санкт-Петербурге на II Менделеевском съезде. Книга М.С. Цвета «Хромофиллы в растительном и животном мире» удостоена Большой премии М.Н. Ахманова. Летом 1913 г. Цвет принимает участие в XIII съезде русских естествоиспытателей и врачей в Тифлисе.

Варшавский период был для Цвета, пожалуй, наиболее плодотворным в научном плане. Другой вопрос, что в качестве внештатного лаборанта и приват-доцента М.С. Цвет жалование получал в размере, который напрямую зависело от числа прочитанных лекций и количества студентов, с которыми он занимался. Что ж, на первых порах и на новом месте это было вовсе не плохо. Но... Времена были трудными. Свои коррективы внесла первая русская революция.

Ничего удивительного нет в том, что в Царстве Польском тоже было неспокойно. Студенческие волнения в Варшавском университете начались в конце 1904 г., а в январе студенты нашли общий язык с рабочими, занятия в университете прекратились. Дольше всех держались студенты выпускных курсов, но вскоре по инициативе властей им был закрыт доступ в университет, чье существование второй раз в своей истории оказалось под угрозой. Прецедент был: в XIX в. он уже был на некоторое время закрыт с целью пресечения беспорядков. Впрочем, научную работу преподаватели вести могут. Полубезработный М.С. Цвет дважды уезжает (летом 1905 и 1906 г.) работать в Германию — в университеты Берлина и Киля. Цвет продолжает работы по усовершенствованию метода хроматографического анализа. С помощью спектрокопического и спектрофотометрических методов, в известном смысле, смежных с методом хроматографического анализа, М.С. Цвет исследует строение растительных пигментов. В 1907 г. преподает ботанику и сельское хозяйство в Варшавском ветеринарном институте.

Занятия в университете возобновляются только через четыре (!) года. Цвет получил разрешение читать приватный курс общей микробиологии, преподавательская нагрузка — один час в неделю. Не получилось.

Цвет ходатайствует о зачислении его на вакантную должность преподавателя ботаники в Варшавском политехническом институте. Ходатайство удовлетворено, причем с небольшой «нагрузкой»: заодно придется читать лекции и вести практические занятия на химическом и горном отделениях. Конечно, он принимает на себя заведование Ботаническим кабинетом — практически бесплатно. По совместительству преподает ботанику в Ветеринарном институте.

Что и говорить, нагрузка огромная! А вот несокрушимым здоровьем М.С. Цвет, к сожалению, не отличается.

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Кто не любит ботаника Цвета

Известно, что в годы советской власти при каждом удобном и неудобном случае нужно было напоминать читателю о том, как хорошо живется теперь и как плохо все было раньше. Даже Е.М. Сенченкова — автор, пожалуй, самой исчерпывающей книги о профессоре Цвете, пишет: «Как мало признательности выпало на долю Цвета при жизни! Лишь одна академическая премия была присуждена ему в 1911 г. за научный

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

лаборатории» не получилось. Однако, неприятности пришли вовсе не со стороны царского правительства.

Буйный оппонент

Поговорим о странностях любви к политике. И, как сказал писатель Ф.М. Достоевский: «Я приглашаю читателя к спокойствию и к серьезности».

Метод хроматографического анализа М.С. Цвета не на шутку рассердил самого К.А. Тимирязева.

Известный ученый, крупнейший специалист в области физиологии рас-

— Какую карьеру готовите вы своим четырем сыновьям?

— Какую карьеру? А вот какую. Сошью я пять синих блуз, как у французских рабочих, куплю пять ружей и пойдем с другими — на Зимний дворец».

Сам К.А. Тимирязев, посланный для усовершенствования в научных познаниях за границу, работает в лучших европейских лабораториях. Из Парижа он возвращается примерно за год до событий Парижской коммуны. Становится прижизненным классиком теории фотосинтеза.

К.А. Тимирязев преподает в Петровской сельскохозяйственной академии (сейчас — Российский государственный аграрный университет имени К.А. Тимирязева, или «Тимирязевская академия»), дружит со студентами, но его открыто недолюбливают многие профессора. При Александре III, в 1893 г. по Высочайшему повелению академию из-за политических беспорядков закрывают. Через год ее вновь открывают как Московский сельскохозяйственный институт, но Климент Тимирязев назад на службу не принимают. В 1898 г. его увольняют (для этого есть хороший предлог — «выслуга лет») из числа штатных профессоров Московского университета.

Профессор Тимирязев протестует против печально знаменитых «Временных правил», в соответствии с которыми бунтующих студентов можно отдавать в солдаты. В 1902 г. он, заслуженный ординарный профессор, не читает больше лекций и лишь заведует Ботаническим кабинетом. Автор теории о космической роли растений, К.А. Тимирязев является Почетным доктором университетов Кембриджа, Глазго и Женевы, членом Лондонского королевского общества и Ботанических обществ Эдинбурга и Манчестера. В Лондоне Тимирязев удостоен одной из высших британских почестей для человека науки: он читает Крунианскую лекцию. Между тем, Императорская Российская академия наук решительно не желает избирать профессора Тимирязева в свои ряды. Причина понятна: политическая деятельность.

В своей книге мемуаров «Трава забвенья» Валентин Катаев вспоминает разговор между Михаилом Булгаковым и Владимиром Маяковским:

«Некоторое время Булгаков молча настроенно ходил вокруг Маяковского, не зная, как бы его лучше задрать. Маяковский стоял неподвижно, как скала. Наконец Булгаков, мотнув своими блондинистыми студенческими волосами, решил:

— Я слышал, Владимир Владимирович, что вы обладаете неистощимой фантазией. Не можете ли вы мне помочь советом? В данное время я пишу сатирическую повесть, и мне до зарезу нужна фамилия для одного моего персонажа. Фамилия должна быть явно профессорская.

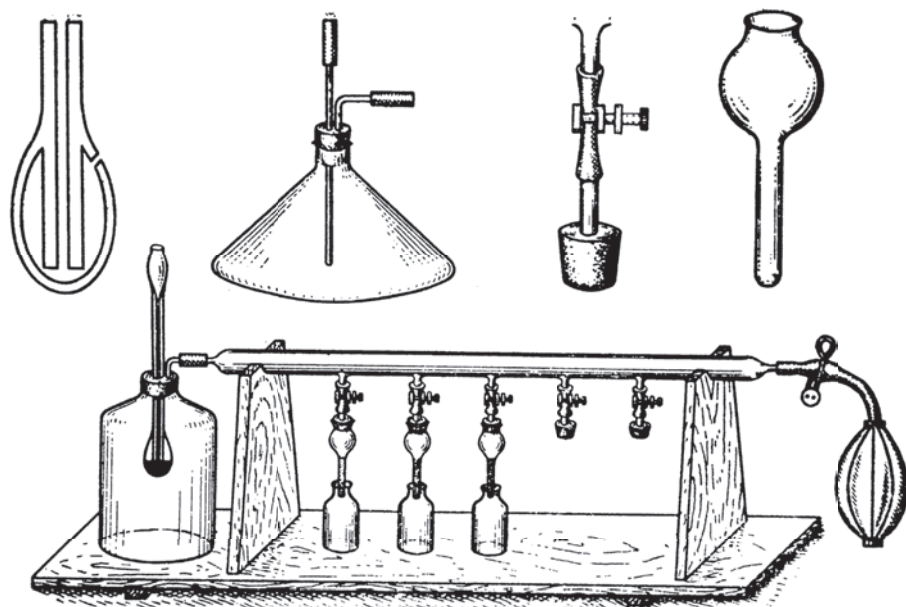
И не успел еще Булгаков закончить своей фразы, как Маяковский буквально в ту же секунду, не задумываясь, отчетливо сказал своим сочным баритональным басом:

— Тимирязев.

— Сдаюсь! — воскликнул с ядовитым восхищением Булгаков и поднял руки.

Маяковский милостиво улыбнулся».

Продолжение в следующем номере

Прибор для хроматографического анализа, созданный М.С. Цветом (один из первых вариантов)

труд «Хромофиллы в растительном и животном мире». Такие же награды, как ордена Св. Станислава 3-й степени в 1907 г., Св. Анны 3-й степени в 1912 г., Св. Станислава 2-й степени в 1915 г. и медаль в честь 300-летия дома Романовых в 1913 г. он получил «в воздаяние отличного усердной службы», как, впрочем, и другие преподаватели варшавских вузов, особо отмеченные за трудность работы на далекой окраине России. Вот и все, чем царское правительство отметило заслуги бескорыстно отдавшего ей весь свой незаурядный талант исследователя и педагога». Скажем прямо: это совершенно обычный комплект наград для того времени, и для человека этого возраста. А что касается признания и отдельных наград за хроматографический метод, то в те годы хроматографический адсорбционный анализ еще не мог найти широкого применения. Это не происки конкурентов и не козни недоброжелателей — это реальный уровень науки того времени. Химические и биологические лаборатории «доросли» до практического использования хроматографии только к середине 1920-х годов.

Михаил Семенович Цвет прожил недолгую, но трудную жизнь. Идиллической картины «счастливый ученый в

тений, К.А. Тимирязев в конце концов вообразил себя, очевидно, полным монополистом в области исследования хлорофилла. В незаконченном предисловии к сборнику «Солнце, жизнь и хлорофилл» Тимирязев неоднократно поднимает вопросы научного приоритета и делает это академически вполне корректно. Вот, пожалуйста: «Микроспектроскоп (объективный) предложен мною в 1871 году, а приписывается обыкновенно Эдельману (в 1884 г.)». Лишь при упоминании М.С. Цвета автор явно выходит из себя: «...Немецкие ботаники и с их голоса некоторые русские, как, например, г. Цвет, упорно приписывают обе идеи физику Ломмелю... Что же сказать о г. Цвете, который, вопреки моим неоднократным разъяснениям, упорно и сознательно говорит неправду, опровергаемую простой хронологией и словами самого Ломмеля...».

У Климента Аркадьевича Тимирязева был трудный характер. Сын удался в родителей. В детстве они рассказывали ему, как были свидетелями уличных беспорядков, как бросали палки и камни в свиту Николая I. Модно прочитать такой рассказ об отце ученого:

«В 1848 г. один знакомый обратился к Аркадию Семеновичу с вопросом о будущем его сыновей.